

Космогония пращуров Словена и Руса

Многие работы в Академии Тринитаризма нацелены как против концепций «новой хронологии», так и против концепций «медиевизма» (гипертрофии средневековья в отечественной истории). Основоположники и апологеты НХ лезут из кожи вон, чтобы доказать отсутствие у человечества истории ранее 10 века нашей эры (только вдуматься в это !!!). Здесь им упорно и эффективно противостоит – к примеру - интересный сайт студентов-историков МГУ (<http://forum.tssi.ru/index.php>).

Тотальности влиятельного в официозе «медиевизма» не рискует противостоять почти никто – особенно прекрасно молодые историки понимают, что это риски «дуть против ветра» (навсегда загубить в связи с тотальным влиянием «древнерусских» в аттестационных структурах свою профессиональную карьеру). И все еще нередко в учебниках начинается и начинается «История России» (людей и народов на ее землях) с некоего «древнерусского времени» - на самом деле средневекового, 6 – 8 веков нашей эры. Только учебники под редакцией А.Н.Сахарова, И.Я.Фроянова, Б.А.Рыбакова отчасти противостояли и противостоят этому натиску.

Так что отстают позиции НХ и «медиевизма» друг от друга всего на 3 – 4 века, хотя позиции и явно противоположные. «Медиевизм» - безусловно - на порядки научнее, дотошнее, но вот многотысячелетней этногенетической составляющей отечественной истории до сих пор упорно не видит (не замечает). И тем все более ограничивает в условиях комплексных исследований свой реальный научный уровень.

Апологеты НХ, оправдывая сравнение династий по продолжительности царствования (без реального сопоставления десятков АК: анкет-кодов), пытаются доказывать, что-де в банке или ином месте достаточно предъявление паспорта – и тебя идентифицируют по небольшому числу кодов. Но в паспорте конкретные имена, фотографии, место проживания, дата рождения. Вводятся и генетические данные. Даже при таком сравнении «паспорта» сводимых к последним династиям правителей явно различаются по именам, внешнему виду, странам и времени правления. Никакой банк их не спутает, кроме апологетов НХ.

Напомню обоснованную современными этногенетическими работами версию А.А. Клесова (Клесов А.А., Хинди-Руси бхай-бхай с точки зрения ДНК генеалогии, или откуда есть пошли Славяне // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.14536, 06.08.2007):

«Южные славяне получили свою генетической метку, или «снип» M170, который и определил их исходную гаплогруппу I, примерно 20-25 тысяч лет назад. Потом за ним последовал снип S31, который и отделил генеалогически южных от прибалтийских славян, у которых снипы совсем другие, получившие индексы M253, M307, P30 и P40. В любом случае, у восточных славян совсем другая история снипов. С южными они пересекались последний раз, получив – те и другие – снипы M168 при выходе из Африки и M89 примерно 45 тысяч лет назад. С тех пор пути их разошлись. Будущие восточные славяне ушли из Месопотамии на восток, чтобы оттуда вернуться на южный Урал, Среднерусскую возвышенность и в причерноземные (славяне проявили себя там и во времена трипольской культуры: П.З.) и прикаспийские степи, а будущие южные славяне ушли через Босфор и Дарданеллы на Балканы. Больше всего их осело в Боснии и Хорватии, но многие продвинулись туда, что потом стало Украиной и Россией. Так, через тысячелетия они встретились с восточными славянами, и образовали славянскую общность. Как видим, южных славян сейчас около 20% от населения России и Украины, и намного больше на Балканах. А восточные славяне несколько тысячелетий назад были родными братьями индусов».

Вот эту многотысячелетность этногенетического славянства под давлением предшествующего массива доминирующих для официоза исследований современные «медиевисты в законе» никак принять и осознать не могут. К сожалению, Б.А.Рыбаков, осмыслив и доказав палеолитические корни славянского язычества, твердых шагов к углублению отечественной государственности не сделал. Хотя проявление традиций Великой Скифии в истории Великой Руси явно видел и доказал.

Если этногенетические славяне появились в Северном Причерноморье несколько тысяч лет назад, могло ли быть Сказание о Словене и Русе (восточные списки 12 века, более сотни русских 16 – 18 вв.) памятью об их миграционных передвижениях в неолите-энеолите?! Многократно с разных сторон доказываю, что – с научной точки зрения – могло. С «медиевистской» - об этом не может быть и речи, смешно... Вот до сих пор все вместо научных аргументов «медиевисты» и посмеиваются, игнорируя нарастающих пласт реальных фактов.

[Рус – эпический основатель Русы \(ныне Старой Руссы\)](#)

[Генетический путь пращуров россиян \(реферат для нежелающих знать\)](#)

[rus и есть rus. Самосознание в языках этносов палеолита](#)

[Истоки символов России](#)

[Генеалогия языков от палеолита. Трудный путь Словена и Руса](#)

[Светлая память античности...](#)

Хотел бы к уже сказанному добавить реферирование фрагмента из "Начала цивилизации": Даниленко В.Н. Космогония первобытного общества. Шилов Ю.А. Праистория Руси. Екатеринбург: Деловая книга; М.: Раритет, 1999. В Интернете <http://recult.by.ru/docs/danil/cosmo.htm>. Полезно сравнивать этот материал с работами по язычеству Б.А.Рыбакова, исследованиями других специалистов по периоду неолита-энеолита (к примеру «Неолит Северной Евразии», 1996; в многотомной серии «Археология СССР», где обилие полезных для истории России сведений).

Работа В.Н.Даниленко с учетом конкретики ее доказательств оказывалась революционной для своего времени.

О характере и своеобразии религиозно-космогонических воззрений охотничье-рыболовецких племен Восточной Европы, отчасти Западной Прибалтики, он судил на основании материалов днепровского ареала, прибалтийской, эртебелльской культур и, наконец, на основании материалов неолита ямочно-гребенчатой керамики (широко представлена на Новгородской земле, ныне завершение этой культуры относят к 4 – 3 тыс. до н.э.).

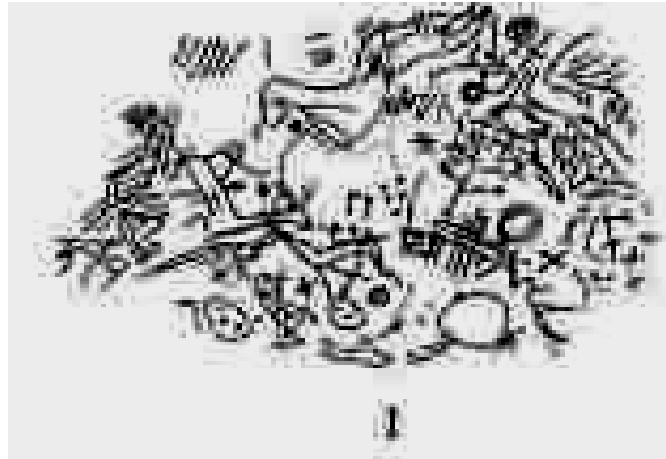

Вид на Каменную могилу. http://www.indostan.ru/blog/15_895_0.html

Исследуемый в плане раскрытия системы религиозно-космогонических воззрений материал был ко времени Даниленко относительно мал и во многом фрагментарен, но ныне

этот массив явно нарастает (с учетом фондов музеев всех регионов страны). Для ареала неолита ямочно-гребенчатой керамики в лице наскальных изображений Беломорья и Прионежья Даниленко выделил комплекс наскальных изображений, сопоставимый с памятниками изобразительного искусства Каменной Могилы у Черного моря (табл. LVIII: ср. 1 и 2, а также рис. 20-21 и табл. LXVI-LXIX).

ТАБЛИЦА 58. (LVIII)

Петроглифы, изображения (с надписями ?) и другие сложные рисунки времен неолита в Восточной Европе иллюстрируют эпические рассказы, которые вели несколько тысяч лет назад пращуры нынешних россиян. Конечно, сочинить за века историческое сказание о скифских князья Словене и Русе для них труда не представляло, ибо индоевропейцы уже около трех тысяч лет назад подарили человечеству такие монументальные полотна как Авеста, Ригведа, Илиада и т.д.

В статье [Шумеры от палеолита...](#) частью показано значение Каменной могилы для истории всего человечества, так как памятник является культовым центром примерно со времен мезолиты и отражает письмена многих тысячелетий. Но аналоги этому ныне памятнику на территории Украины широко представлены и на Русском Севере, который пытаются однозначно отдать одним финно-уграм и тем самым лишить остальные народы хотя бы на историю Русского Севера. Это не столь безобидно, как может кому-то показаться. Наблюдения В.Н.Даниленко возвращают указанные памятники и этногенетическому праславянству (понятно – не исключая версию их финно-угорской принадлежности, но исключая ее доминирование и некий ее научный абсолют).

РИСУНОК 21.

ТАБЛИЦА 67.

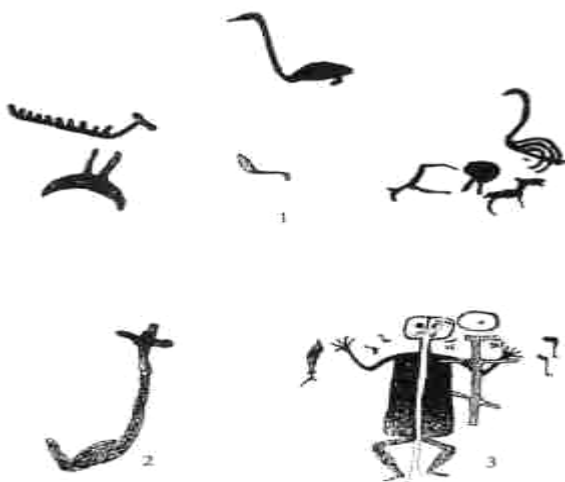

ТАБЛИЦА 66 (LXVI)

ТАБЛИЦА 68.

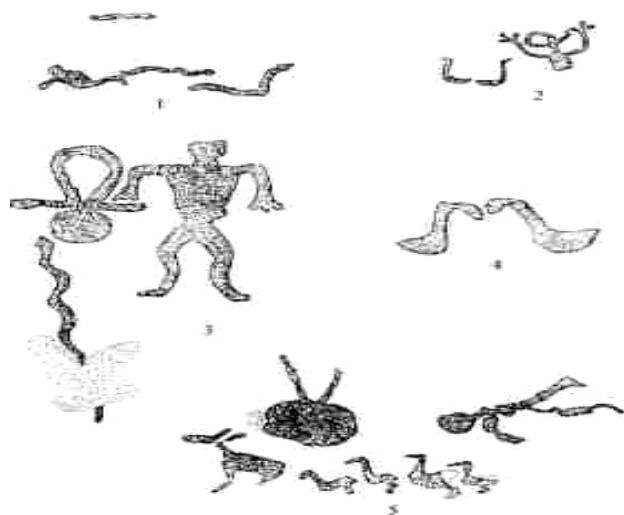
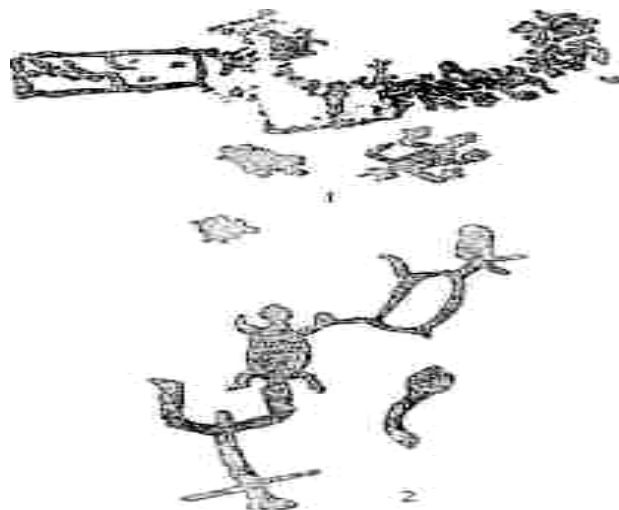

ТАБЛИЦА 69.

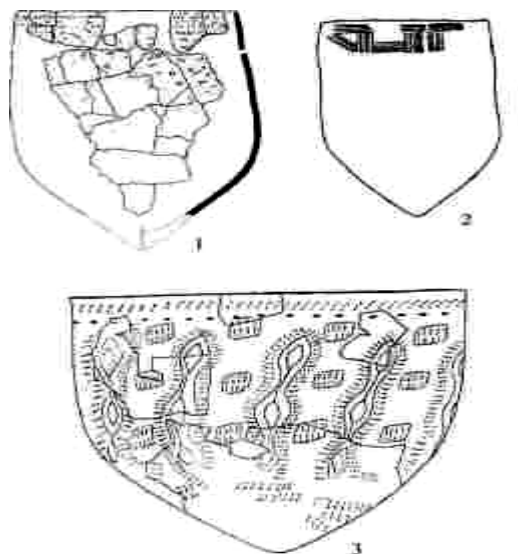

В результате приводимых сравнений, определение характера и специфики религиозно-космогонических воззрений населения каждой из этно-племенных групп Восточной Европы представляется вполне возможным.

Для днепровского ареала наука ко второй половине XX века уже располагала несколькими сюжетными орнаментальными композициями, использовавшимися для украшения глиняной посуды, преимущественно раннеолитического возраста (поселения в урочищах Струмель и Гостятин, а также поселение близ с. Заваловка севернее Киева).

Орнамент на посуде этого времени редок, и если встречается, то образует узкую зону на верхней части сосуда, где иногда различаются сильно стилизованные зооморфные символы: изображение водоплавающей птицы (ур. Струмель), змеи (ур. Гостятин) и пр. (табл. LXI: 1, 2).

ТАБЛИЦА 61.

Орнамент на посуде несколько более позднего поселения у с. Грини довольно многочисленен и разнообразен. Наряду с линейно-геометрическим орнаментом изредка здесь встречается орнамент защипной, вроде старчевско-керешского.

По В.Н.Даниленко, заслуживает особого внимания полностью реконструированная линейно-геометрическая композиция, помещавшаяся на широко открытом остродонном сосуде (табл. LXI: 3) из Заваловки. Вокруг дна прослеживается зона условных фигур, выполненных гребенчатым штампом, среди которых различается изображение летящей птицы, возможно, орла. Тулово сосуда украшено вертикальными линиями, состоящими из трех соединенных друг с другом суоовальных фигур, обрамленных оттисками гребенчатого штампа, а также расположенными в промежутках между лентами субромбическими фигурками, заполненными оттисками гребенчатого штампа.

Сравнение этой композиции с орнаментальными схемами посуды соколецкой фазы буго-днепровской культуры убеждает почти в полной их идентичности. Это обстоятельство, наряду с указывавшимся ранее сходством набора посуды струмельской и буго-днепровской культуры и наличием у первой признаков земледелия, служит важным подтверждением того, что один из непосредственных субстратов сложившейся позднее днепро-донецкой культуры - памятники струмельского типа - складывался под самым непосредственным влиянием первобытно-земледельческих племен причерноморского Юга.

По-видимому, к значительно более позднему времени относится одна интересная находка, сделанная в древнем торфянике в р-не г. Путивля Сумской обл. (рис. 22). Речь

идет челюсти домашнего быка с отверстием для подвешивания и следами потертости от ношения, т.е. о какой-то принадлежности древнего шамана.

Этот, видимо, достаточно важный в практике культа предмет с обеих сторон украшен сложными и довольно содержательными композициями. Прежде всего, обращает внимание размещенное на обеих поверхностях предмета выполненное в линейно-геометрической манере воспроизведение целого поселения, состоящего более чем из двадцати островерхих жилищ. Интересно оформление одной из частей композиции в виде цепи заштрихованных ромбов - вероятная передача земли-суши.

На одной из поверхностей челюсти изображены четыре довольно реалистически выполненные фигуры животных. Три из них определенно являются быками, четвертое - рогов не имеет. Здесь же имеется загадочная на первый взгляд, заштрихованная фигурка, в которой можно усматривать парящую с широко раскрытыми крыльями птицу, возможно, орла. Как в отношении манеры исполнения, так и по содержанию композиция имеет близкие аналогии на юге. Однако на этот раз эти аналогии уводят нас в круг левобережных охотничье-скотоводческих культур и, говоря точнее, к изображениям Каменной Могилы [179 - сноски по самой работе В.Н.Даниленко].

Приведенные факты характеризуют отдельные элементы религиозно-космогонической системы населения тех же районов, где в послеструмельское время обитали племена днепро-донецкой культуры, ибо столь характерные для днепро-донецкой посуды зонально-гребенчатые композиции, так сильно отличающиеся в отношении стиля, здесь не получают никакого отражения.

Едва ли подлежит сомнению, что значение описанных выше памятников заключено прежде всего в том, что они играют роль того территориально посредствующего звена, наличие которого объясняет факт относительного единства религиозно-космогонической системы, существовавшей как в области Восточного Средиземноморья, так и различных частях его далекой периферии, включая Прибалтику и даже лесную зону Восточной Европы. Речь не о тождестве, а об относительном единстве такой южной по происхождению системы, в которой не может быть оспорено существование локальных вариантов, обусловленных переживаниями идеологического субстрата и другими местными причинами. Один из таких локальных вариантов древней идеологии представляют памятники изобразительного искусства прибалтийской культуры Магнетозе-Эртебелле (табл. LXII-LXIV).

ТАБЛИЦА 62.

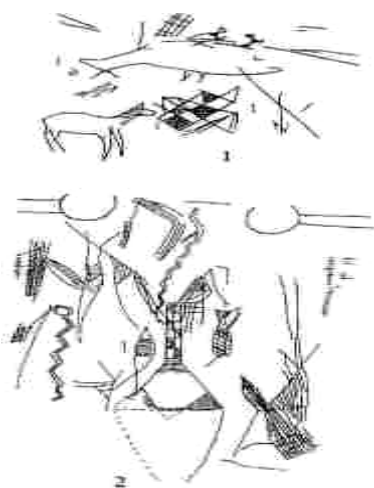

ТАБЛИЦА 63.

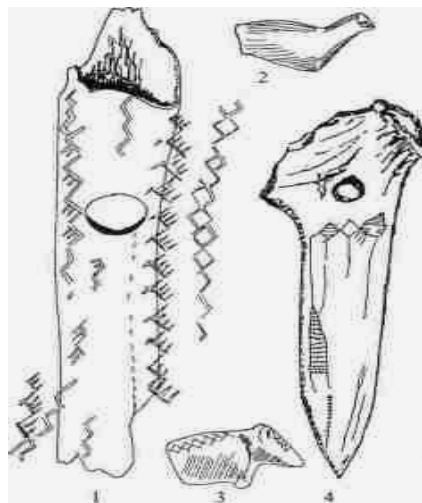
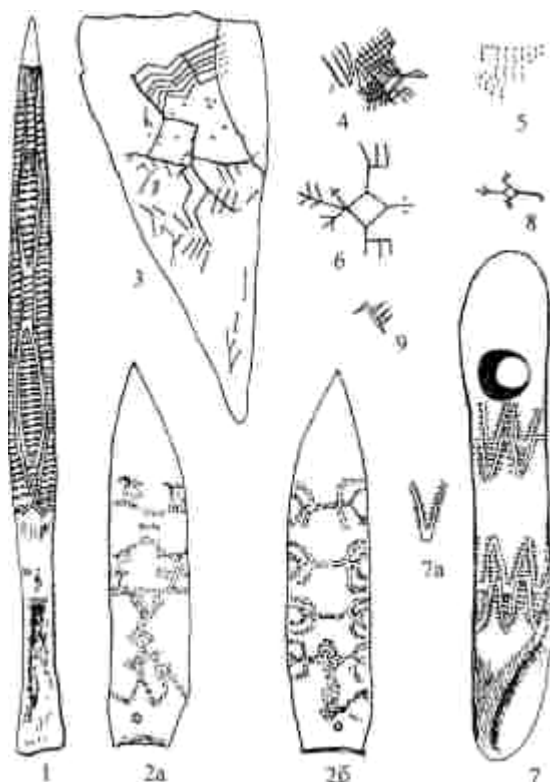

ТАБЛИЦА 64.

Обычно они имеют вид врезанного орнамента, служившего для украшения различных изделий из кости и рога оленя - каплеобразных инструментов, кинжалов, выпрямителей, подвесок и пр. Подобно тому, как это отмечалось для многих изображений с Каменной Могилы, местные памятники изобразительного искусства дают органическое сочетание т.н. линейно-геометрических мотивов, т.е. начертаний, смысл которых не всегда ясен, с довольно реалистическими изображениями животных, птиц и рыб (табл. LXII: 1,2). Иногда встречаются скульптурные изображения животных и птиц, имеющих линейно-геометрические дополнения (табл. LXIII: 3).

Религиозно-космогоническая насыщенность таких композиций бесспорна. Едва ли, например, является зарисовкой с натуры композиция на топоре из Истад, включающая изображения двух самок оленя, повернутых спинами друг к другу а также линейно-геометрические символы (табл. LXII: 1).

Исключительно интересна композиция на кайлообразном инструменте из Ланчеолонда [...] (табл. LXII: 2). Центральную часть ее занимает частично стертая сильно стилизованная фигура длинношеего животного с ромбическим туловищем, возможно, черепахи или водоплавающей птицы. По бокам от нее - изображения рыб, а в одной из половин композиции - изображения сразу двух змей. Если исходить из рассмотренных ранее данных, перед нами далеко нереалистическая сцена, а запечатление в графике повествования глубокого религиозно-космогонического смысла. В том же плане представляет значительный интерес и композиция на кайлообразном изделии из Геганеи, объединяющая изображения сразу трех змей (табл. LXIII: 4). Едва ли подлежит сомнению, что и эта композиция отражает существование религиозно-космогонических сюжетов, подобных описанным в предшествующих разделах. Не менее очевидно космогоническое содержание орнамента с кайлообразного инструмента из Верхнего Виехельна, включающего ленту из ромбоидальных фигур, вертикальный зигзаг, а также две вертикальные ленты, состоящие из профильных воспроизведений летящих птиц* (табл. LXIII: 1).

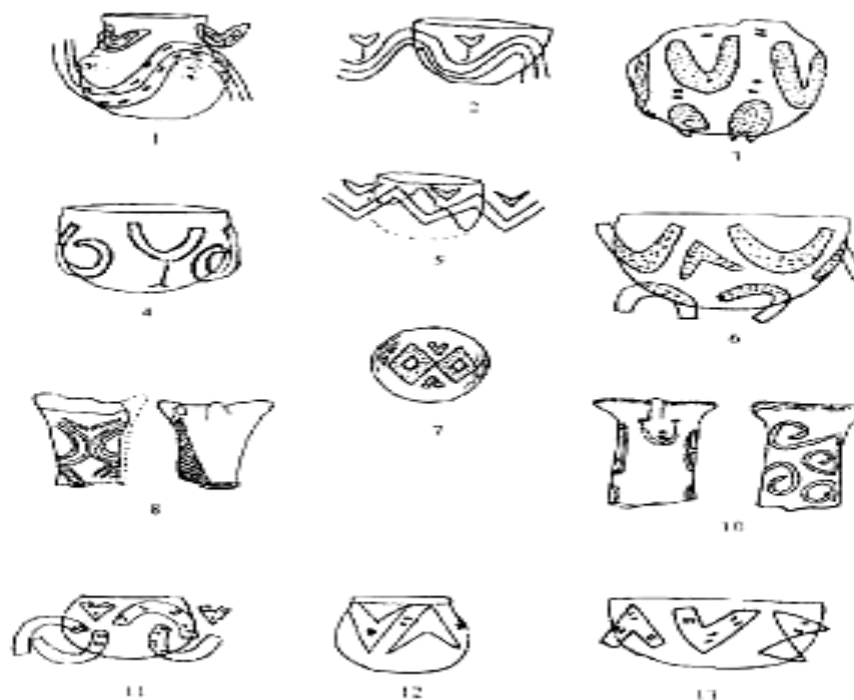
* Вероятно, в качестве композиций, состоящих из находящихся друг под другом птиц, следует рассматривать и орнамент на подвеске из Лупдби[180], на кайле из Риомаа [...][181] и др.

Еще содержательнее композиция, имеющаяся на небольшом беспаспортном кинжале из Дании (табл. LXIV: 2а). На одной стороне кинжала представлена композиция, включающая стоящую человеческую фигуру, на голове которой покоится сложная зооморфная пирамида, состоящая из пяти сидящих друг на друге птиц и, по-видимому, двух небольших животных, возможно ланей. Композиция на другой плоскости кинжала несколько проще (табл. LXIV: 2б). Она состоит из расположенных поперек предмета пяти стилизованных фигур быков. Фигуры последних в целом достаточно симметричны и, по-видимому, имеют по две рогатые головы.

Исходя из того, что в раннюю пору развития культуры Магнетозе-Эртебелле начатки скотоводства еще не известны, следует думать, что в композиции воспроизведены дикие быки, т.е. туры. В пользу такого истолкования названных зооморфных фигур говорят и некоторые другие факты, например, содержание композиции на роге оленя из озера близ Силкеборга [...], на котором наряду со сложным узором присутствуют изображения птиц, воспроизведенных в виде лабиринтов, а также сильно стилизованные, но все же определимые фигуры быков-туров[182].

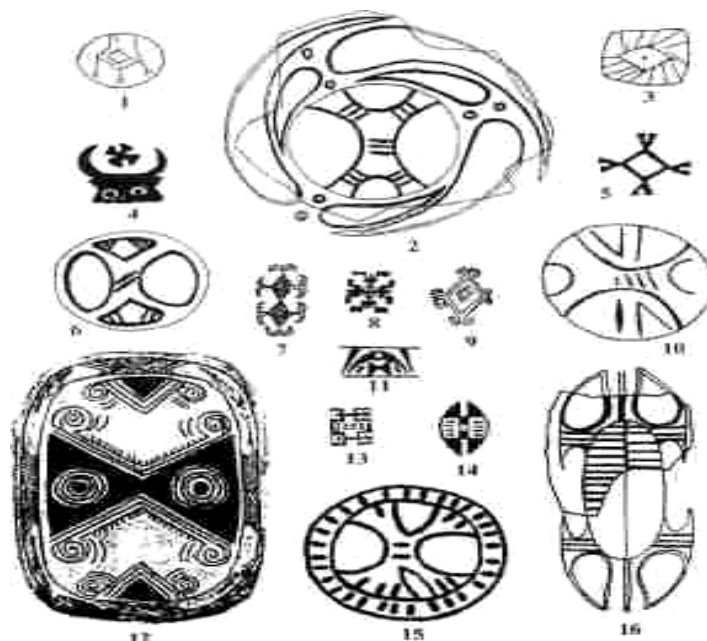
В то же время, даже для керамического этапа развития местной культуры (Ортебелле) имеются данные, позволяющие утверждать, что бык в Западной Прибалтике не был главным космогоническим персонажем (вроде быка у южноевропейских скотоводов и земледельцев или козла у азиатских земледельцев) и что в этом отношении ему противостоит олень. Именно об этом говорят линейно-ленточные композиции на кайлообразных мотыгах из Чарстенминде [...] (табл. LXIV: 7, 7а) и Латтефхорда [...][183], состоящие из оленьих голов, размещенных в шахматном порядке, но обращенных мордами в общем направлении - т.е. примерно так же, как располагаются бычьи головы на орнаментальных композициях посуды линейно-ленточной керамики (например, табл. XXXIV: 6, 12, 13).

ТАБЛИЦА 34.

Об органической связи идеологических представлений племен магнетозско-эртебелльской культуры с системой воззрений племен более южных широт Европы говорят также вертикальные линейно-ленточные композиции, включающие ленты из субовальных или субромбических фигур и сопровождающиеся различным образом ориентированными зигзагами, что в целом перекликается с уже знакомыми по другим культурам композициями, воспроизводящими символы земли-черепахи, обмываемой мировыми водами (табл. XIII; табл. LXI: 3; табл. XXVIII; табл. II: 4 и рис. 2).

ТАБЛИЦА 13.

Несмотря на некоторые локальные отличия, сходство с описанными выше представлениями отражают и материалы восточных аналогов эртебелльской культуры - памятников серовского [...] и кунда-нарвского типов, которые в той или иной степени генетически подстилают неолит ямочно-гребенчатой керамики.

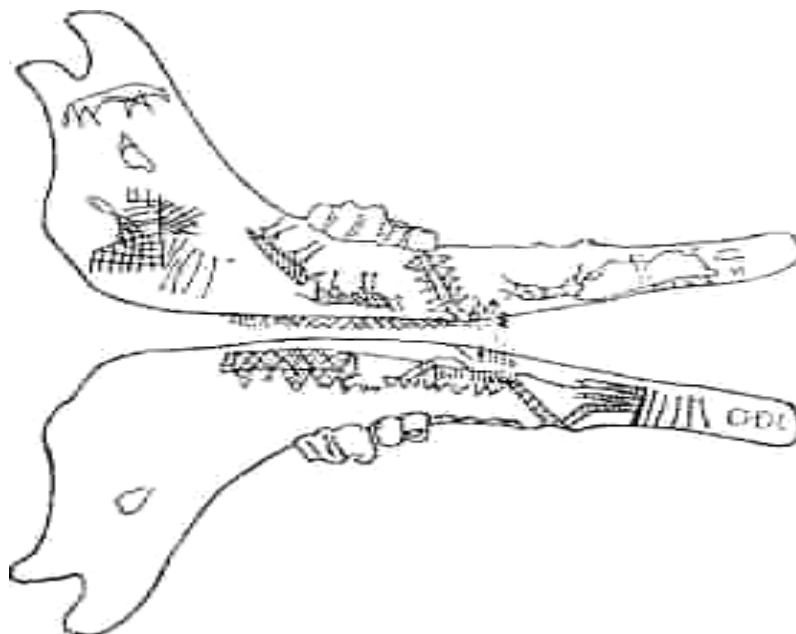
Вероятно, именно потому, что памятники серовского (цедмарского) типа представляют собою промежуточное звено, объединяющее в крупный этнокультурный ареал культуры Эртебелле, кунда-нарвскую и памятники струмельского типа, встречающиеся в этом районе памятники изобразительного искусства ближе всего стоят к эртебелльским.

Материал по идеологии племен кунда-нарвской культуры все еще находится в начале накопления, но и здесь, например, из отложений реки Пярну происходят орнаментированные предметы, изображения на которых определенно близки к начертаниям на челюсти из путивльского болота, например, к схематическому воспроизведению поселения на берегу реки, изображению внешней птицы и пр. (табл. LXIV: 3 и для сравнения табл. LXIV: 4, 5, 6, 8, 9; рис. 22).

В заключение настоящего раздела следует также кратко рассмотреть реалии религиозно-космогонических представлений племен неолита ямочно-гребенчатой керамики. Посвященный им краткий экскурс целесообразно начать с данных наиболее архаического на Севере памятника - Оленеостровского могильника [184], который датируется 6 тыс. до н.э. На него мы обращали внимание в статье Лаодика-Ладога – путь обратно, где подчеркивалось письменное и эпическое задолго до нашей эры отражение миграций по пути, каким проходят и эпические Словен и Рус.

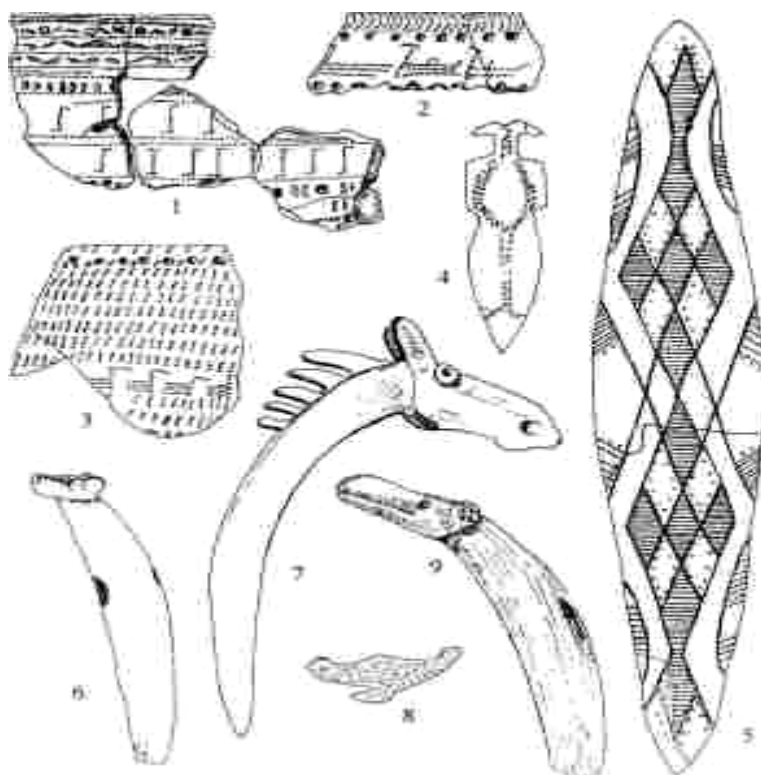
Кривая ухмылка «медиевизма» понятна, но она все чаще «озаряет лица» людей, давно отставших от реального уровня развития науки. Но именно «кривоухмылистым» официоз все еще позволяет формировать общественное мнение.

РИСУНОК 22.

Среди предметов культа в инвентаре этого могильника определенно доминируют изображения лося в виде статуэток, украшений рукоятей кинжалов, наверший особых скипетрообразных изделий, вероятно, являвшихся принадлежностью шаманов, и пр. (табл. LXV: 7). Далее следуют антропоморфные изображения - женские и, по-видимому, мужские, воспроизводящие божественных помощников шамана.

ТАБЛИЦА 65.

Исключительно интересны скульптурные изображения змей - вещи, также, по-видимому, входившие в число принадлежностей шамана[185].

Вопрос о смысловом соотношении образов лося и змея Н.Н.Гуриной решался в том смысле, что лось является покровителем мужчин, а змея - женщин. Не отрицая значения этого вывода, основанного к тому же на непосредственных наблюдениях, Даниленко попытался объяснить, почему же предметы с воспроизведением лося предпочтительно находились при захоронениях мужчин, а змеи - женщин.

По его мнению, ответ на этот вопрос может быть получен при анализе как самих оленеостровских материалов, так и при анализе некоторых сравнительных данных.

В рассматриваемой связи особое значение представляет скульптурное воспроизведение змеи из Тырвалья, украшенное хорошо известным по сравнительному материалу орнаментом в виде сочетания вертикали и отходящих от нее коротких зигзаговых линии, что в целом получает надежное истолкование в качестве олицетворения воды: в одном случае - реки с притоками, в другом - дождя. Исходя из того, что амулет из Тырвальи приспособлен для подвешивания, что обуславливает вертикальное положение основной линии зигзага, можно думать, что в конкретном случае имелась в виду верхняя вода, т.е. дождь.

Переходя к вопросу о содержании образа лося, следует иметь в виду, что почти во всех скульптурах Оленеостровского могильника мы имеем дело с изображениями самки этого зверя, т.е. с лосихой. Это обстоятельство наводит на мысль о глубоком архаизме этого образа и, естественно, о его космической природе, ибо в представлениях таежного человека мироздание - небо, земля и преисподняя - представляет собою не что иное, как три гигантские лосихи[187].

Надежное подкрепление мысли о космической природе древнего образа лося дает анализ композиции рукояти известного бронзового, вероятно, шаманского кинжала из Сеймы[188]. Как известно, рукоять этого предмета воспроизводит фигуру лося с реалистически трактованной головой. На брюхе животного находится условно трактованное изображение извивающейся змеи, как бы ползущей с направления задних ног животного. Иными словами, змей здесь символизирует нижние выделения лося, т.е. стихию воды, что в целом лишней раз подтверждает космический характер образа лося, являющегося здесь полным аналогом космических животных других ареалов, урина которых рассматривается как первопричина вод мироздания.

Космическая природа лося подтверждается многочисленными наскальными изображениями Онежского озера и Белого моря, где этот зверь сопровождается как солярными, так и лунарными знаками и, таким образом, олицетворяет не столько светила, сколько самое небо или даже все мироздание.

Таким образом, можно заключить, что и змея, и лось являются космическими символами, олицетворяющими оплодотворяющие, способствующие возрождению силы природы, и что, таким образом, змея является олицетворением мужского клана, присутствие которого при женских погребениях вполне уместно, как и присутствие при мужских погребениях изображения лосихи, представляющей в конкретной системе женское начало.

Как это отмечалось для многих локальных вариантов рассматриваемой религиозно-космогонической системы, и в представлениях северных охотников и рыболовов существовало представление о птице, как о силе, соединяющей «верх» и «низ», «небо» и «землю» и в особенности верхние и нижние воды.

В материалах неолита ямочно-гребенчатой керамики как в орнаменте посуды, так и в многочисленных наскальных изображениях, образ такой птицы сохраняет всю первозданную свежесть (табл. LXV: 1-5,8; [...]; табл. LXVIII: 1,2,4,5). Интересен образ человеко-птицы с двумя головами (табл. LXV: 4). Здесь еще нет того многообразного сонма птиц, привлеченного сознанием южных земледельцев и скотоводов для передачи различных сторон взаимоотношений между небом и землей, и вместо него здесь выступает образ водоплавающей птицы - утки-лебедя.

Об идеологическом значении этого образа писали многие исследователи. Соглашаясь с мнением Н.Н. Гуриной о том, что в орнаментальных композициях посуды неолита ямочно-гребенчатой керамики в виде волнистых линий действительно присутствует воспроизведение стихии вод, и что изображения плавающих по их поверхности уток, вероятно, контаминирует с мифом Калевалы о деве неба Илматор и небесной утке, снесшей яйца, давшие начало мироздания[189], Даниленко считал необходимым сделать некоторые замечания по этому вопросу. Правда, не указал, что финно-угорский эпос является исследовательской реконструкцией 18 – 19 вв. н.э., тогда как Сказание о Словене и Русе существовало в сотне русских записей в 17 веке.

Во-первых, обращает на себя внимание развитие воспроизводимой в Калевало мифологической основы, где первичный образ утки осложнен ее антропоморфными ипостасями - самой девой Илматор, а также порождением еще более поздних эпох - верховным божеством Укко[190]. Во-вторых, по Даниленко, заслуживает особого внимания тот факт, что в рассматриваемых композициях, помимо зигзаговых линий, олицетворяющих воду, во множестве присутствуют также округлые углубления, в которых естественнее всего видеть яйца птицы, а в космическом плане - олицетворение астральных тел и, конкретно, звезд (табл. LXV: 1-3).

В такое время, как это вытекает из анализа наскальных композиции (в частности, из сопровождения изображений водоплавающей птицы - обычно лебедя - солярными и, реже, лунарными знаками), этот персонаж, являясь в основе солярным, уже начал раздваиваться на солярную и лунарную ипостась (табл. LXVII: 1; Табл. LXVIII: 3,5)[191].

Таким образом, утка, посланная Укко (или в эпосе других народов – кем-то другим: [Рус – эпический основатель Русы \(ныне Старой Руссы\)](#)), скорее всего и является олицетворением луны, а семь снесенных яиц - планетами или, в зооморфизированном восприятии, символами зодиака. Сопоставление содержания двух первых- космогонических рун Калевалы[192] сданной исследуемой религиозно-космогонической системы убеждает в том, что концепция Калевалы составляет лишь локальный вариант той же системы воззрений*. Корни космогонического построения первой главы Калевалы[194] не менее древни, чем, например, корни концепции о черепахе и [...], о раздвоении Тиамат[195] и пр. * Это же следует подчеркнуть и в отношении нордической Эдды, близость религиозно-космогонической концепции которой с Калевалой уже отмечалась многими авторами[193]. Но это же надо учитывать и в этногенетической памяти праславян.

Ипостась Ильматар (**иногда связывают с Илмер-Ильмень, но культ Ильма полиэтничен и ,вероятно, распространен со времен «хомо сапиенс сапиенс»**) как дочери воздуха, олицетворяющей, надо думать, верхние воды, наиболее вероятно, является вторичной. Первичной ее идеологической функцией, более вероятно, была функция матери воды, персонифицируемой, по времени Калевалы, в виде женщины - в древности, скорее всего, воспринимавшейся в виде полуженщины-полуутки (возможно, табл. LXV. 4) и еще раньше - в виде лосихи (см.: [Рус – эпический основатель Русы \(ныне Старой Руссы\)](#))

На этапе наскальных изображений Прионежья и Беломорья и хронологически с ними близких изобразительных сюжетов неолита ямочно-гребенчатых композиции, антропоморфизация обожествляемых сил природы уже была далеко зашедшим в своем развитии процессом. Об этом, прежде всего, говорит большое количество мужских и женских изображений, определенно выступающих в адоративной позе обращения к верховному божеству (табл. LXVII. 3, табл. LXVIII: 2).

Особенно в Прионежье часто встречаются антропоморфные изображения с головами лосей, вроде известного изображения из Коломцов (196. Эта никогда специально не издаваемая интереснейшая находка В.С.Бодянского до Великой Отечественной войны сохранялась в Новгородском музее.), а также антропоморфные изображения с головами лосих (табл. LXVI).

Широко известно изображение женщины с головой лосихи, держащей в руках такой же знак лунного серпа[197], каким оснащаются некоторые изображения лосих (табл. LXVI:

1, 3) или, в иных случаях, сопровождаются изображениями лодок[198], носы которых также моделированы в виде голов лосих (табл. LXVI: 3).

Перечисленная серия фактов говорит о существовании женского образа, сохраняющего черты лосихи, и вместе с тем олицетворяющего в себе черты лунного божества, т.е. самой луны, плавающей по небу, точнее по небесным водам в ладье, и, таким образом, связанной со стихией вод, в конкретном случае - верхних вод, являющихся лишь частью мировых вод.

С этим образом, несомненно, связан образ лебедя, изображения которого в некоторых случаях помимо солярных знаков также сопровождаются обычными изображениями лунных серпов. И женщины с головою лосихи, и ладьи с носом в виде головы этого животного, и, наконец, водоплавающая птица-лебедь, сопровождаемые лунарными атрибутами, - все это образы, имеющие, по-нашему, самое непосредственное отношение к формированию образа Ильматар - божества, связанного с воздухом, с ветром и вместе с тем - с мировыми водами.

В смысловой связи с этим образом находятся и некоторые мужские изображения - с лосиными головами[199], а также в виде крупных изображений «бесов». Такова, например, фигура «беса» на Бесовом Носе, сопровождающаяся солярным диском, а также большим количеством с ним семантически перекликающихся изображений лебедей (табл. LXVII: 3).

Бесов нос. Карелия. http://lentchiks.narod.ru/p_karelia_onego01.htm

Сюда же следует отнести и изображения «беса» с Бесовых Следков, оставляющего гигантские следы и сопровождающегося большим количеством лодок, носы которых также трактованы в виде голов лосихи[200].

Обращаясь к языку мифологии Калевалы, эти персонажи следует понимать как ранние формы слагающегося верховного божества типа Укко, который первоначально был небесно-солнечным богом вообще, но затем превратился на заре классовых отношений в устрашающее божество грома, развитие которого затем приводит к возникновению божества войны.

Необходимость первобытных военных столкновений также получает отражение в наскальных изображениях[201], а также в посленеолитических боевых клевцах,

украшенных головами лося и медведя (табл. LXV: 6,9). В затрагиваемой связи особый интерес представляет полуантропоморфное, с волчьей головой изображение лыжника (или лыжницы), держащего в руках символы Солнца и Луны, по-видимому, похищенных с неба (табл. LXVI: 1). В смысловом отношении к ним несомненно близки изображения волкоголовых лыжников-лучников, вступивших в военное столкновение с людьми, воспроизведенными в более или менее реалистической манере[202]. Налицо несомненно зимний, северный аспект местной религиозно-космогонической системы, лучше всего согласующийся с образом хозяйки Похьелы-Лоухи, олицетворяющей север, зиму и тьму[203], т.е. весь тот комплекс явлений и идей, который прекрасно выражен в исключительно емком по смыслу древнерусском слове «полунощь»[204].

Но ведь культ волков-оборотней Геродот отмечал и у невров-нервиев, а невры (нарци еже суть словене) нередко включаются в число праславян.

Если пользоваться поэтическим языком, можно заключить, что в онежском комплексе наскальных изображений находит отражение формирующаяся система воззрений страны Калевы, олицетворяющей юг и весну, а в наскальных изображениях Беломорья - страны зимней, северной - Похьелы.

В непосредственном материале это мнение находит отражение в том, что в Прионежье волкоголовый человек (**волхв-оборотень сказания о Словене и Русе**), похититель Солнца и Луны, является персонажем определенно отрицательным, олицетворяющим силы зла[205]. В то же время в условиях Беломорья персонажи этого рода, несмотря на относительную малочисленность их воспроизведений, явно побеждают целые полчища реально трактованных людей и, следовательно, пользуются бесспорными симпатиями создателей наскальных изображений[206].

И далее, обилие олицетворяющих солнце лебедей составляет исключительно характерную особенность почти всех онежских композиций[207]. В определенном смысле можно сказать, что все композиции так называемого Бесова Носа[208] от обилия изображений лебедей-солнца, вместе с занимающим центральное место композиций «бесом», сопровождающимся соляренным знаком, так и «излучают» свет и солнечное тепло.

Совершенно иной характер имеет беломорская композиция Бесовы Следки[209]. Она объединяет громадное количество изображений животных: лосей и лосих, лис, медведей, большое количество тюленей, которых бьют гарпунеры, находящиеся в утлых лодках, различные астральные тела - Солнце, звезды и проч. (см. срединную часть композиции на табл. LVIII: 2).

Через всю композицию с юга на север идут крупные пятипалые следы. Один из них задевает голову и спину лебеда, находящегося в центре композиции. Сам «бес» - крупная итифаллическая фигура - находится на северном конце композиции. Ногой с громадной ступней он как бы пытается раздавить целый выводок уток. Вокруг фигуры - группа небольших пустующих лодок. Рядом - целое стадо лосей (лосих), преследуемое лыжником, вооруженным дротиком.

Календарно-космический характер этой композиции достаточно ясен: показано годовое развитие северной природы, последовательно проходящей весь путь от стадии Калевы до стадии Похьелы (табл. LVIII: 2 и для сравнения табл. LVIII: 1 и табл. LX: 1,2). Присутствующий в композиции «бес» - «хозяин Похьелы» - зимняя ипостась Укко, в своем роде его противоположность.

Идея земли в рассматриваемых наскальных изображениях, как правило, получает лишь косвенное отражение.

По содержанию основной идеи, «земными» являются те композиции, в которых присутствуют следы людей и небожителей[210], воспроизводятся движущиеся стада оленей[211], вереницы лыжников[212], стоящие птицы[213], протекающие реки[214] и т.д.

И все же ни одна из названных «земных» композиций не обладает чертами реальных картин, ибо в таких «картинах» рядом с идущим лосем может оказаться изображение плывущей лодки, астрального тела и проч., что в целом отвечает нормам условного,

идеопластического, весьма далекого от живописания изобразительного искусства. Иначе говоря, первобытные люди, пользуясь подобными изобразительными приемами, могли воспроизводить любые сцены - и реальные земные, и мифологические небесные.

Среди наскальных изображений почти отсутствуют изображения растений - реальных показателей культа растительного плодородия и земледельческого культа. Следует также подчеркнуть, что среди изображений практически отсутствуют изображения домашних животных, кроме редких изображений собаки. Говоря иначе, неолитические наскальные изображения Прионежья и Беломорья, а с ними и немногочисленные религиозно-космогонические сюжеты, воспроизводящиеся на посуде неолита ямочно-гребенчатой керамики, фиксируют очень архаичский этап мышления, в котором переживают, по существу, еще палеолитические представления, которые в то же время живо перекликаются с первой руной Калевалы[215], но отнюдь не с теми эпическими мотивами земледельческого устройства Земли, которые зафиксированы во второй руне и отчасти в других следующих за ней рунах этого эпоса[216].

И тем не менее, определить конкретную форму образа земной тверди, которая существовала в представлениях населения этнокультурного ареала неолита ямочно-гребенчатой керамики, оказалось все же возможным, ибо внимательное исследование некоторых наскальных изображений показало, что среди изображений Севера иногда встречаются композиции, отражающие религиозно-космогонический комплекс Земли с такой непосредственностью, которая в системе воззрений земледельческих племен уже была утрачена и заслонена различными наслоениями.

В качестве примера такой композиции называем среднюю часть северо-восточной половины наскального комплекса в Залавруге (табл. LXIX: 1). Здесь различаются изображения черепахи (для сравнения см. также табл. LXIX: 2), а также жаб, нескольких сидящих с широко раскинутыми ногами антропоморфных существ, из промежностей которых вытекают выделения. Рядом с фигурами фантастических животных и людей находятся прямоугольные воспроизведения жилищ, изображения деревьев, т.е. хорошо знакомые по данным других ареалов атрибуты Матери-Земли.

Вокруг описанной композиции воспроизведена сложная батальная сцена, в которой участвуют терпящие большой урон лыжники, а также полуантропоморфные воины с волчьими головами[217]. О том, что событие происходит на суше, окруженной водами, т.е. на острове, говорят многочисленные изображения лодок, помещенные по периферии композиции. Можно предположить, что в целом композиция передает какой-то миф, и что центральная ее часть (включающая черепаху и жаб, подобно тому, как это имеет место на этнографических календарях древнего Алтая[218] - рис. 24), олицетворяет мифологическую основу Земли.

Отнюдь не исключено, что воспроизведенный здесь остров не является географической конкретностью, а представляет собою своего рода мировой остров, каковым по существу и является Земля большинства первобытных космогонических систем. Если такое предположение имеет под собой реальные основания в космогонии неолитического Севера, то и батальные сцены могут рассматриваться в аспекте столкновения каких-то мировых сил.

О распространении на Севере сходных представлений и в более поздние времена говорит также состав вещей известного Галичского клада[219], где, как известно, имеется несколько браслетов, режущих инструментов необычного вида, полные и неполные диски (вероятно, воспроизводящие символы солнца и луны), несколько целых и фрагментированных антропоморфных статуэток, фигурная рукоять жертвенного ножа, наподобие сейминского и, наконец, литая статуэтка ящера или черепахи - что в целом вполне отвечает набору шаманских атрибутов начала эпохи палеометалла (табл. LIX: 2-8).

На некоторых из перечисленных выше вещах следует остановиться подробнее. Заслуживают особого внимания стоящая женская статуэтка с трехлопастным головным убором и кистями рук над лобком, а также головка статуэтки с двумя вылезающими из нее

мышами, статуэтка ящера или черепахи и, особенно - [...] рукоять жертвенного ножа в виде головы и туловища сходного животного с прорезью посередине, оснащенной поперечным штифтом, на который подвешено изображение извивающейся змеи (табл. LIX: 4). Нетрудно заметить, что в описанном наборе - подобно тому, как это имеет место и в этнографических шаманских наборах - получила достаточно полное отражение вся космогоническая символика.

В плане выделения идеологического комплекса Земли здесь особенно интересен символ ящера-черепахи, который [...], как это убедительно показывает пример рукояти жертвенного ножа, которая по существу состоит из двух обособленных, но взаимосвязанных образов - собственно ящера, черепахи и змия, т.е. образов земли и воды. Эти образы хорошо известны по описанным ранее данным других ареалов, и останавливаться на более подробном их истолковании нет никакой необходимости.

Круг тех же, в принципе, представлений отражают и памятники приуральской шигирской культуры, с одной стороны обнаруживающие нити генетической связи с восточноевропейским неолитом ямочно-гребенчатой керамики, а с другой - с гигантским ареалом кельтимилярской культуры. Наиболее значительным памятником шигирского ареала, отражающим также и религиозно-космогонические представления, несомненно является шигирский торфяник и особенно деревянный антропоморфный идол (табл. LIX: 1).

На верхней части идола выделяются довольно реалистически трактованные плечи и человеческая голова, не ясно - мужская или женская. Обе плоскости изделия богато украшены врезным орнаментом, в котором при ближайшем рассмотрении обнаруживаются несколько условно трактованных стоящих друг над другом человеческих фигур. На лицевой стороне идола, считая и реалистически трактованную фигуру верхней части, различаются четыре антропоморфные фигуры. На обратной стороне, где резьба выполнена менее тщательно, их различается не менее трех. На лицевой стороне идола преобладают антропоморфные символы, украшенные вертикальным зигзаговым орнаментом, передающим, как мы полагаем, струящуюся воду. И только второй снизу украшен вертикальной лентой из ромбических фигур, в которых мы усматриваем стилизованные изображения Земли-черепахи.

На обратной стороне идола доминируют фигуры с ромбической символикой, но самая нижняя из них имеет странное окончание и в целом напоминает условно трактованную космическую ящерицу, воспроизводимую на шаманских бубнах селькупов[220].

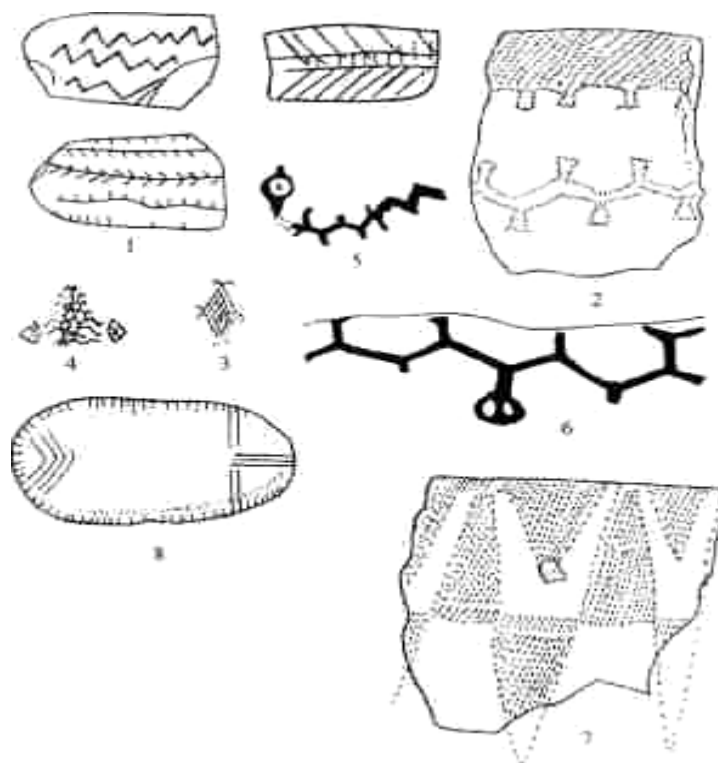
Не подлежит сомнению, что идол в целом в примитивно-антропоморфической манере воспроизводит миро-здание во всей его сложности и громадности. С одной стороны, рассматриваемый комплекс идей близок к раскрытой Б.А.Рыбаковым идее космического антропоморфного гиганта Пуруши, улавливаемой по археологическому материалу и давно известной поданным индоиранской мифологии[221], а с другой - в нем находит отражение идея союза Солнца и Земли, отраженная во многих описанных ранее композициях. Вместе с тем особенно важно отметить, что идеи, овеянные в облике шигирского идола, находят достаточно полное отражение и в орнаменте шигирской посуды эпохи неолита - энеолита, неизменно украшенной вертикальными или горизонтальными композициями, составленными из зигзаго-струйчатых и ромбических элементов, т.е. из символов воды и земли[222].

Отмечая это, особо следует подчеркнуть тот факт, что описанная выше религиозно-космогоническая символика шигирской культуры находит свое непосредственное продолжение в символике ее генетически обуславливающей кельтимилярской культуры.

О далеких южных связях лучше всего говорят неолитические памятники Южного Урала - орнамент на посуде и особенно на скальных росписях, среди которых заслуживают наибольшего внимания змеино-ленточные композиции из букраниев (табл. LXX: 2), сходные с ними изображения, сохраняющие протомы змия (табл. LXX: 5, 6*) и, наконец,

знакомые по данным земледельческого Юга символы Земли-черепахи и жабы, соответственно связанные с букранями или растительными протонами (табл. LXX: 3, 4).

ТАБЛИЦА 70.

* Очень интересно отметить, что в народе один из камней с такой змеино-ленточной композицией и до сих пор называется Змиевым[224].

Круг построения В.Н. Даниленко замкнулся. Сначала были рассмотрены религиозно-космогонические представления обширной древнеземледельческой зоны - от Северной Индии через Среднюю Азию и Передний Восток до Южной Европы включительно, затем на примере культур Каспийско-Азовско-Черноморского ареала было показано ее охотничье-скотоводческое продолжение. Еще дальше, в памятниках охотничье-рыболовецких племен Северной Европы, получила отражение смыкающаяся с ними система религиозно-космогонических представлений племен самой дальней европейской периферии. Наконец, памятники Приуралья и кельтимионарской культуры, связываясь с областью азиатских культур расписной керамики[223].

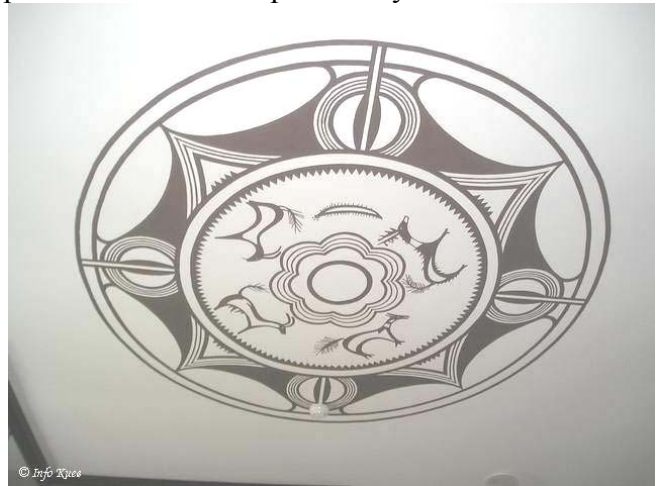
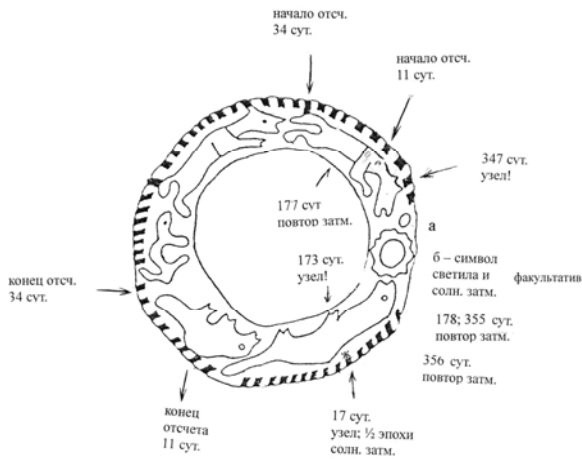
Вполне очевидно, что **охарактеризованная выше система религиозно-космогонических представлений значительно шире границ таких крупных этнических образований, как формирующиеся массивы древних шумеров, семитов, индоевропейцев, тюрков, угро-финнов и т.д.** В настоящем построении Даниленко не уделял большого внимания локальным различиям рассмотренной системы, ибо его основной задачей было стремление раскрыть реальность относительного единства этой системы, которая бесспорно отличается от религиозно-космогонических построений таких территориально и культурно отдаленных массивов человечества, как африканский[225], палеазиатский[226], океанический[227] или, наконец, автохтонный американский[228]. Вместе с тем, он справедливо не посчитал свою задачу выполненной, если в построении отсутствовала бы попытка определить локальные варианты охарактеризованной выше системы представлений, и тем был бы закрыт выход в этническую конкретность древнейшей истории. **Эти попытки для неолита все же несколько опасны, тем более если упорно не учитывать в таких построениях праславян.**

Но проявленный внеэтнический подход (против основ для извечного «разделяй и властвуй!») более всего и делал исследователя неуютным. Да еще признание высокого абстрактного мышления у населения Восточной Европы 5 – 8 тысяч лет назад.

Реферированную работу нельзя ныне рассматривать без учета известных в Интернете работ В.Е. Ларичева: МЕДВЕДЬ В ИСКУССТВЕ РАННЕГО ЭТАПА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА СИБИРИ (семантика образа в свете календарно-астрономических записей); Божественное Время (космогония, Время и астрология в мировоззрении жречества мальтинской культуры); *Хранители времени*(к проблеме информационных традиций в первобытном искусстве)<http://www.sati.archaeology.nsc.ru/sibirica/...izdaniya&id=1826>; и др.; материалов сайта [Center for Archaeoastronomy](http://www.CenterforArchaeoastronomy.com); и т.д.

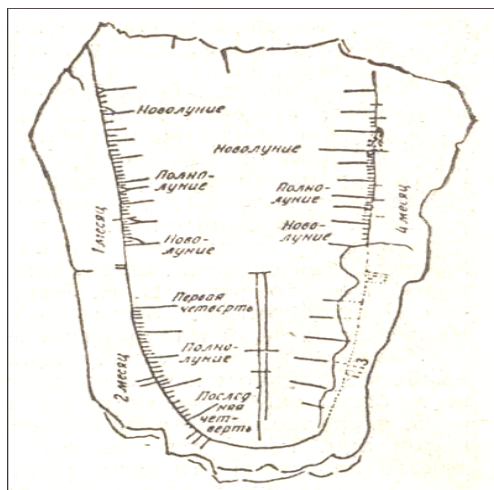
Правда, В.Е.Ларичев тоже иногда игнорирует полиэтничность космологических представлений, оказываясь в плену финно-угризма [archaeology.nsc.ru/...=1330](http://www.archaeology.nsc.ru/...=1330): СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КАЛЕНДАРИ ФИННО-УГРОВ

Взята находка из полиэтничного региона Карелии и однозначно трактуется как только финно-угорская. А что если взять существовавшие за 4 тыс. лет до этой финно-угорской трипольские календарные представления. Да и все подобное в других ранних культурах Восточной Европы, особенно в орнаментах на гончарной посуде..

http://gallery.infokiev.com.ua/details.php?image_id=373&sessionid... Еще с gallery.infokiev.com.ua 62

Или разные находки календарей палеолита на землях севернее Черного моря.. Так, например, на территории Украины (пос. Гонцы) клык мамонта, датированный 15000-10000 годами до н.э., с насечками, которые ныне считают возможным интерпретировать как лунный календарь, точнее, как отрывок лунного календаря, на котором нанесены изменения фаз Луны за четыре месяца.

См. [Стрела Абариса](#).

Традиции «космического мышления» в пращурах современных народов планеты, включая и славян – десятки тысячелетий. Десятки тысячелетий – и их этногенетической памяти, хотя бы о направлениях миграций, об основных пунктах на этом пути. Всего этого апологеты «медиевизма» знать и учитывать не хотят. И в этом упорном незнании они вольно или невольно оказываются на одном уровне с НХ, хотя и яро от этого отрециваются.

Нельзя одной ногой стоять в одном, а другой – в другом (образно говоря, в болоте), все время теша себя мыслью, что вроде бы вечно шел – как и соратники века три – по чистой и светлой дороге. А дорога-то все больше вела в дремучий догматизм.